

9. Шпет Г. Предисловие к работе П. Наторпа «Философия как основа педагогики» / Г. Шпет // Наторп П. Избранные работы. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 297–301.

Надійшла до редколегії 14.01.11

УДК 130.2:303.686 (045)

И. В. Голубович

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

«ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Розглядається розмаїття підходів до поняття гуманітарної експертизи соціокультурних, технологічних проєктів та новацій, можливості застосування даного виду експертизи у процесі викладання філософсько-антропологічних дисциплін.

Ключові слова: гуманітарна експертиза, антропологічна експертиза, біографічна прагматика.

Рассматривается многообразие подходов к понятию гуманитарной экспертизы социокультурных, технологических проектов и новаций, возможности внедрения данного вида экспертизы в процесс преподавания философско-антропологических дисциплин.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, антропологическая экспертиза, биографическая прагматика.

The article is devoted to analysis of various approaches to the phenomenon of the «humanitarian expert examination» of the social, cultural, technological projects and perspectives of the using of the «humanitarian expert examination» in the context of the philosophy anthropology teaching.

Keywords: humanitarian expert examination, anthropological expert examination, biographical pragmatics.

В последнее время в различных областях гуманитарного знания и в социальной практике все чаще стало использоваться понятие «гуманитарная экспертиза». Его еще предстоит более четко определить на теоретическом уровне, а также сделать полноценной составляющей экспертной оценки социальных и культурных проєктов. Однако такой полноценной составляющей гуманитарная экспертиза станет только тогда, когда появятся и сами эксперты в области подобного рода экспертизы. Актуальную для современного общества задачу их профессиональной подготовки можно, как мне представляется, ставить и пе-

ред системой отечественного философско-гуманитарного образования. В рамках небольшой статьи я не берусь рассматривать все перспективы данного проекта. *Цель настоящей публикации* – осуществить анализ понятия «гуманитарная экспертиза» и соответствующей проблемной зоны в философско-антропологическом контексте.

Определение «гуманитарной экспертизы»: многообразие подходов. Суть и содержание «гуманитарной экспертизы» рассматривается в работах И. И. Ашмарина, С. Л. Братченко, Ю. А. Ищенко, Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ф. С. Сафуанова, Г. Л. Тульчинского, Б. Г. Юдина и др. (см. [1–3; 5–10; 12; 16; 17]). Высказываются различные точки зрения, единого стандарта не сложилось, да и вряд ли сложится в условиях современного концептуального плюрализма в гуманитаристике, ориентации на поливариантность исследовательских перспектив. Обратимся к имеющимся на сегодняшний день дефинициям и подходам.

Российский философ Б. Г. Юдин обращается к анализу «гуманитарной экспертизы», сопоставляя этот достаточно новый термин с уже хорошо известным в мире понятием «этическая экспертиза». Он задается вопросом: что такое гуманитарная экспертиза — особая форма деятельности или социальный институт? Если говорить о форме деятельности, то эта деятельность принципиально незавершенная. Она является формой диалога, взаимодействия, коммуникации («коммуникативная рациональность», «дискурсивная рациональность»). Во главу угла ставится не столько конечный результат экспертизы, сколько процесс, в ходе которого участники приходят к более глубокому пониманию ценностей, мотивов действий и т. п. — и собственных, и своих оппонентов. Во втором случае (социальный институт) существенной, напротив, оказывается «конечность» экспертизы, которая должна приводить к принятию решений, поскольку сама она встроена в некоторые объемные структуры деятельности. При этом каждый отдельный эксперт выступает не столько в качестве одной из сторон диалога, сколько в качестве того, кто наделен определенной частью властных полномочий, распределенных между членами экспертной комиссии (комитета) (см. [1; 2: 17]). С этих позиций этическая экспертиза относится ко второму типу ситуаций, когда целью является не столько коммуникация, сколько выработка окончательного решения. Б. Г. Юдин рассматривает гуманитарную экспертизу как более широкое понятие, родовое по отношению к такому его виду как этическая экспертиза.

В работе «Основы гуманитарной экспертизы» И. И. Ашмарин и Б. Г. Юдин определяют ее как переход от узкотехнологической экспертизы к мульти- и междисциплинарной экспертизе и далее к широкой публичной дискуссии [1, с. 77]. «Гуманитарная экспертиза» — не только и не столько процесс выработки конкретных решений, сколько непрерывный и широкий диалог, в ходе которого наряду с обоснованием и критикой тех или иных предлагаемых решений происходит также и процесс выявления, обсуждения и согласования посылок и ценностных позиций различных социальных групп, позиций скрытых и неосознаваемых.

«Гуманитарная экспертиза» определяется и как «опережающее реагирование», возможность принимать вызов проблем и рисков не после того, а до того, как они начинают представлять реальную опасность. Речь идет о необходимости сделать одним из ключевых при оценке эффективности социальных и культурных новшеств «принцип предосторожности» (*precautionary principle*): предварительную оценку безопасности нововведений и факторов риска. Кроме того, «гуманитарная экспертиза» оценивается как форма предваряющего, моделирующего «обживания» обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств. Возможность такого опережающего реагирования («обживания») предполагает принятие как минимум двух исходных посылок: а) любое социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное; б) нередко эти угрозы, риски и негативные последствия оказываются непредвиденными не в силу принципиальной невозможности их спрогнозировать, а просто в силу того, что на предваряющих или на начальных стадиях их внедрения просто не было предпринято требуемых для этого специальных усилий. Из этих посылок делается вывод о необходимости систематически организованной деятельности, направленной на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала. Ядром такого рода деятельности может стать гуманитарная экспертиза.

Российские психолог Д. А. Леонтьев и философ Г. В. Иванченко размышляют о «комплексной гуманитарной экспертизе» (КГЭ) как о форме социальной практики [5]. Слово «комплексная» указывает на междисциплинарный анализ, «гуманитарная» — на то, что экспертиза имеет дело с действиями людей и их переживаниями. Предметом комплексной гуманитарной экспертизы при таком подходе выступает реальное или возможное потенциальное влияние социальных событий на психологические процессы, свойства и состояния людей и влияние психологических процессов, свойств и состояний людей на социальные события [7]. Авторы формулируют задачу разработки специальной междисциплинарной методологии, объединяющей возможности философии, социологии, психологии и некоторых других областей знания. Их цель также создать рабочую основу для практического внедрения данного вида экспертизы в социальную, образовательную и юридическую практику. При этом подчеркивается, что в сегодняшней ситуации преждевременно говорить об обязательности гуманитарной экспертизы, поскольку отсутствуют технологические и кадровые предпосылки, нет и экспертов достаточного уровня квалификации. Эта констатация еще раз подчеркивает актуальность поставленной нами задачи — наметить возможности подготовки такого рода экспертов в структуре именно философского образования. Ведь философия как раз и призвана осуществлять междисциплинарный синтез, проводить своеобразный общественный мониторинг «гуманности» и «гуманитарности»,

а также сигнализировать о нарушении/разрушении «человекомерности» на всех уровнях социокультурного бытия.

Г. В. Иванченко и Д. А. Леонтьев разработали также структуру учебного курса по комплексной гуманитарной экспертизе, рассчитанную на постдипломное образование. Как нам представляется, освоение данной проблематики, пусть на самом начальном ее уровне, доступно и студентам, прежде всего, философам и гуманитариям. Здесь особенно важными роль могут сыграть практикумы, позволяющие осуществить хотя бы мини-экспертизу гуманистического и антропологического порядка.

Заслуживает особого внимания практическое предложение авторов о необходимости пройти специальную подготовку для участия в гуманитарной экспертизе, подтверждаемую соответствующим сертификатом и перекредитацией не реже раза в 3-5 лет. Ставится вопрос о создании Гильдии специалистов психологической и комплексной гуманитарной экспертизы, имеющей статус общественной организации. Однако здесь есть опасность преждевременной институционализации и бюрократизации этой сферы деятельности. В частности, не снимается проблема, стоящая перед другими видами социальной экспертизы: каков статус «суперэкспертов» – особого класса «экспертов по экспертам», которые сводят воедино, фильтруют позиции «экспертов первого порядка», переводят эти первичные позиции и экспертные оценки в режим «социальных технологий» и принятия конкретных решений.

Стратегию КГЭ, которая в целом носит «прогнозно-проектный характер», Г. В. Иванченко и Д. А. Леонтьев определяют как «творческое конструирование сценариев развития множественно детерминированных процессов и событий, своего рода деятельность по производству предсказаний, которая включает в себя не только точную оценку тех или иных факторов и их возможных взаимодействий между собой, но и понимание того, какие вообще факторы требуют учета. Это понимание во многом связано с общей картиной мира эксперта, его жизненной философией, не в меньшей степени, чем с его практическим опытом работы» [5, с. 16]. Таким образом, особую значимость приобретают мировоззренческая, персонологическая и ценностная составляющие. Последняя подвергается самому тщательному анализу, поскольку по самой своей сути гуманитарная экспертиза оказывается соотношением нормативно-ценностных комплексов различного уровня: национального, этнического, профессионального, возрастного, профессионального и т. д. Она является средством достижения «баланса толерантности» – сопряжением ценностей разных социумов и определения той меры, в которой реализация социумом своих ценностей не наносит ущерб другим. Авторы модели комплексной гуманитарной экспертизы ссылаются здесь на работу Тульчинского [16, с. 22–23]. Главным результатом работы экспертов полагается «разворачивание и экспликация разных, в первую очередь скрытых и неочевидных аспектов ситуации, рисков, связанных с разными сценариями, и цены, которую придется платить за те или иные выборы, делаемые в данной ситуации» [5, с. 20].

Украинский философ Ю. Ищенко определяет «гуманитарную экспертизу» в контексте конфликтологии [10]. «Гуманитарной» составляющей конфликтов, которая нуждается в соответствующей экспертной оценке, полагается учет целостности человеческой саморегуляции в том или ином социокультурном контексте, внимание к таким характеристикам самоопределения, как свобода выбора и ответственность за этот выбор, понимание добра и зла, чести и достоинства, веры и надежды, способы личностной идентификации. «Гуманитарная экспертиза» предполагает выявление в системе социального взаимодействия такого среза реальности, в котором присутствует определенное единство культурного образца, схем его интерпретации и рецептов его реализации в том или ином жизненном мире «Мы-группы».

Мы привели лишь некоторые определения «гуманитарной экспертизы» и обозначили наиболее важные научные и практические контексты, куда включается данная проблематика. Наиболее значимыми характеристиками являются следующие: а) междисциплинарность («мульти- и междисциплинарная экспертиза»); б) создание ситуации диалога, формирование коммуникативной рациональности при выработке и принятии решений, имеющих важные социокультурные последствия; в) мировоззренческая и ценностная составляющая гуманитарной экспертизы, которая является, прежде всего, соотношением нормативно-ценностных комплексов различного уровня, обнаружением и экспликацией их латентного, неосознаваемого уровня; г) ориентация на опережающее реагирование, предваряющее моделирующее «обживание» ситуаций, порождаемых технологическими и социокультурными новациями; д) персонологичность гуманитарной экспертизы, имеющей дело с индивидуальными действиями и личными переживаниями, способами личностной идентификации и проектами «Я-технологий».

«Гуманитарная экспертиза» и «биографическая прагматика». Как уже было подчеркнуто, «материя», с которой имеет дело гуманитарная экспертиза, – это «человеческий потенциал», взятый в контексте интересов, ценностей, личностных смыслов, т. е. того, что определяется человеческой субъективностью. Биографическая и автобиографическая рефлексия при таком понимании «гуманитарной экспертизы» должна стать одной из важнейших ее составляющих. Ведь часто необходимо дать оценку и включить в сферу принятия решений спонтанные, внезапно появившиеся социальные и жизненные практики, содержание и потенциал которых успевает зафиксироваться именно на уровне «микрофизики» – в биографических личных документах и устных историях (об этом см. [4]). «Гуманитарная экспертиза» – это «опережающее реагирование». В этом смысле трудно переоценить диагностическую функцию биографических и автобиографических нарративов, где можно зафиксировать опасности и риски, уже проявившие себя на индивидуально-личностном уровне, но пока малозаметные на уровне «социального организма». Данный вид экспертизы оценивается и как форма предваряющего, моделирующего «обживания». Однако «обживает» нововведения не общество в целом, а конкретные индивиды, в актах переживания и смыслополагания, на уровне конкретных биографических практик. Модели такого «обживания»

транслируются в культуре именно как «биографические ситуации», обладающие нормативный характер. В задачи «гуманитарной экспертизы» входит, на наш взгляд, и анализ возможностей эффективной социокультурной трансляции таких «биографических моделей обживания».

Как подчеркивают исследователи, разрабатывающие концепцию «гуманитарной экспертизы», она не требует в обязательном порядке исключительных профессиональных качеств от эксперта. Более того, его преимуществом оказывается способность выразить интересы, предпочтения, страхи «рядового обывателя», специфику переживания, претерпевания инноваций обычными людьми. Востребован своего рода «эксперт повседневности». А локусом и топосом осуществления «гуманитарной экспертизы» будет биографическое время-пространство («хронотоп»), траектория жизненного пути, где как раз и фиксируются неуловимые при других настройках и локализациях «переживаемость», «претерпеваемость» новаций. Биографические и автобиографические нарративы, «истории жизни», «рассказы о себе» неизбежно оказываются при таком подходе актами «гуманитарной экспертизы».

От «гуманитарной экспертизы» к «экспертизе антропологической». Специфика гуманитарной экспертизы – междисциплинарность. Однако в рамках каждой из областей Humanities есть свой ее ракурс и своя теоретико-концептуальный ресурс. Как мне представляется, философия должна в данном случае стремиться к оформлению концепции «антропологической экспертизы». Ее контуры намечены и в представленных нами подходах. Однако следует более четко артикулировать эту задачу именно на уровне философско-антропологической рефлексии.

Современная антропология тяготеет к интегральности в понимании человека, к преодолению сложившихся дисциплинарных барьеров различных «человековедческих дисциплин». Она стремится предстать как основа междисциплинарного синтеза наук о человеке (см. [11]). Такая направленность нуждается в разработке особых антропологических практик, которые будут осуществляться как в науке, так и в социальной, культурной деятельности, в повседневной жизни. Соотношение «антропологической» и «гуманитарной» экспертиз разными исследователями видится по-разному уже сейчас, еще до того, как данная проблема стала предметом серьезного обсуждения. Так, Г. Л. Тульчинский предлагает выделять разные виды гуманитарной экспертизы в зависимости от уровня гуманитарного знания («гуманитарности», в его терминологии) [16]. Он говорит об антропологическом уровне, понимая под ним рассмотрение условий существования человека как психосоматической целостности, а на уровне прагматики – современные телесные практики в науке, медицине, искусстве, игры с телом в обыденном опыте. При таком взгляде антропологическая экспертиза является подвидом гуманитарной, а антропологический уровень не включает в себя философскую составляющую (она у исследователя в большей степени реализуется на других уровнях – «персонологическом» и «метафизическом» с соответствующими видами экспертизы). Ю. Ищенко, напротив, специально не говоря о философской антропологии, именно с точки зрения

ее проблемного поля определяет *differentia specifica* гуманитарной экспертизы как сферы заботы про культивирование человеческого в человеке и противодействия одичанию, «бестиализации» [10, с. 98].

В рамках данной публикации обозначу направления собственных исследовательских разведок в области «антропологической экспертизы». Одно из них – освоение тематического поля «антропозиса» и его прагматики («антропозитической деятельности»). «Антропозисом» российские философы П. Тищенко и Я. Свирский обозначают становящийся характер того, что принято маркировать термином человек, «антропос» [13; 15]. П. Тищенко говорит о «биотехнологическом антропозисе» – биология преобразуется в человеческую биографию, из безвидного «природного» материала производится «образ» человека, имеющий исторически специфическую, метафизическую и моральную анатомию [15]. Для меня это антропозис – синтез и исток того, что мы привычно называем самостоянием, самообладанием, самокультивированием, саморефлексией, самоузнаванием, самоописанием и т.д. Инвариантные и конкретно-исторические структуры и табуусы антропозиса могут, как мне представляется, стать предметом антропологической экспертизы. Еще одно направление исследований – раскрытие теоретического и прагматического потенциала концепции «Полісумнісного Ното» В.Г. Табачковского [14]. В данном контексте особенно значимо вычленение им уровня «антропорятівних» и «антропоруйнівних» практик, представленных философом в свете фундаментальных антропологических коллизий и онтологических модальностей, но одновременно и на жизненно-практическом уровне («життєвіту у його буденності»). В целом следует сказать о перспективности разработки выделенной нами проблематики в русле онтологическо-антропологического синтеза, осуществленного за последние полвека в современной украинской философии.

Библиографические ссылки

1. Ашмарин И. И. Основы гуманитарной экспертизы / И. И. Ашмарин, Б. Г. Юдин // Человек. – 1997. – № 3. – С. 76–85.
2. Ашмарин И. И. Человеческий потенциал: опыт гуманитарной экспертизы / И. И. Ашмарин, Б. Г. Юдин // Человек. – 1997. – № 2. – С. 76–85.
3. Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования (психологические аспекты) / С. Л. Братченко. – М.: Смысл, 1999. – 144 с.
4. Голубович І. В. Біографія як соціокультурний феномен: філософсько-методологічний аналіз; автореф. дис. ... докт. філос. н. / І. В. Голубович. – Одеса, 2009. – 36 с.
5. Иванченко Г. В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл / Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2008. – 135 с.
6. Иванченко Г. В. Методические вопросы подготовки специалистов по гуманитарной экспертизе / Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьев // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 428–442.

7. **Иванченко Г. В.** К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы / Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьев, Ф. С. Сафуанов, Г. Л. Тульчинский // Труды Ярославского методологического семинара. Методы психологии : в 3 т. / Под ред. В. В. Новикова и др. – Ярославль: МАПН, 2005. – Т. 3. – С. 89–110.
8. **Ищенко Ю. А.** Гуманитарна експертиза: засадничі принципи, мета, завдання / Ю. А. Іщенко. – К.: Центр гуманітарної освіти, 2002. – 203 с.
9. **Ищенко Ю. А.** Гуманитарна експертиза карнавалізації свідомості / Ю. А. Іщенко // Філософська думка. – 2006. – № 2. – С. 75–101.
10. **Ищенко Ю. А.** Конфлікти як предмет гуманітарної експертизи / Ю. А. Іщенко // Філософська думка. – 2010. – № 2. – С. 97–106.
11. **Петриковская О. С.** Філософська антропологія як методологія синтезу знань про людину: автореф. дис. ... канд. філос. н. – Одеса, 2007. – 18 с.
12. Психолого-педагогическая диагностика в образовании. Опыт гуманитарной экспертизы / Отв. ред. Б. Г. Юдин; ред.-сост. Е. Г. Юдина. – М.: Ин-т человека РАН; МГППУ, 2003.
13. **Свирский Я. И.** [Рец. на кн.] Павел Тищенко. Биовласть в эпоху биотехнологий / Я. И. Свирский // Вопр. филос. – 2004. – № 5. – С. 183–187.
14. **Табачковський В. Г.** Полісутнісне Ното: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності» / В. Г. Табачковський. – К.: ПАРАПАН, 2005. – 452 с.
15. **Тищенко П. Д.** Биовласть в эпоху биотехнологий / П. Д. Тищенко. – М.: ИФ РАН, 2001. – 172 с.
16. **Тульчинский Г. Л.** Гуманитарная экспертиза как социальная технология / Г. Л. Тульчинский // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 10–29.
17. **Юдин Б. Г.** От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной / Б. Г. Юдин // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 30–44.

Надійшла до редколегії 28.01.11

УДК 101.8

І. М. Грабовська

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

ГЕНДЕРНА АНТРОПОЛОГІЯ В СТРУКТУРІ ФІЛОСОФСЬКОГО ЗНАННЯ: ОСВІТНІЙ ТА НАУКОВИЙ ВИМІРИ

Аналізується сучасний стан розвитку гендерної антропології як складової філософського знання. Акцентується увага на необхідності включення гендерно-антропологічної проблематики в навчальні курси вузів.

Ключові слова: гендерна антропологія, філософія гендеру, гендерна рівність.